

ингуши.

6. Наиболее урбанизированными этносами среди титульных народов национальных субъектов Российской Федерации, расположенных на территории СКФО и ЮФО, являются лакцы и осетины.

7. На территории СКФО и ЮФО количество представителей титульной нации превышает 90% в двух республиках – Чеченской республике и Республике Ингушетия.

8. Наибольший отток русского населения из национальных субъектов Российской Федерации, расположенных на территории СКФО и ЮФО, имеет исключительно экономические основы.

9. Для подавляющего большинства представителей титульных национальностей, проживающих в республиках на территории СКФО и ЮФО угроза ассимиляции не является определяющей, за исключением калмыков.

10. Российская Федерация в своей национальной политике, в целом, придерживается норм международного права, закреплённых в различных Конвенциях и Декларациях на уровне Организации Объединённых Наций.

Литература:

1. Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов, принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml
2. Демографический ежегодник России. 2013: Стат. сб. / Д 31, Росстат.-М., 2013.
3. Итоги Всероссийской переписи населения. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
4. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [Конвенция 169], принята 27 июня 1989 года Генеральной конференцией Международной организации труда на ее семьдесят шестой сессии. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/io169.shtml
5. Социальная сеть «ВКонтакте». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vkontakte.ru/>

УДК 008

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Горюнов В.П., профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, goryunov42@mail.ru,

Рассматриваются техносоциальные основания процесса глобализации. Фундаментальной характеристикой глобального мира признается борьба за существование, установление межобщностных отношений цели и средства. Сопоставляются лидирующие и подчиненные общности.

Ключевые слова: борьба за существование, насилие, отношение цель-средство, неэквивалентный обмен, информационно-технологический колониализм.

Общество как человечество представляет собой относительно сбалансированную систему множества общностей, сложившихся в результате определенных объективных причин природного и социального характера, будь то целенаправленная деятельность правителей и завоевателей или просто статистический расклад обстоятельств и действующих сил. Общности различаются по объему (массе), уровню материально-технического развития, этническим и социально-культурным особенностям.

Способ взаимодействия и вообще соотносимость общностей друг с другом определяется присущей каждой из них геоисторической формулой, складывающейся из географических, демографических, технологических, социально-культурных, геополитических факторов. Иначе говоря, указанная формула общности обуславливает два основных взаимозависимых показателя ее существования: тип внутреннего социального устройства и характер включенности в мировое сообщество (то и другое берется в аспекте отношения господства и

подчинения как взаимоотношения в качестве цели и средства). В зависимости от своей геосторической формулы, общность может существовать либо самостоятельно, будучи непосредственно встроенной в мировую или региональную систему, имея свою нишу в мировом природном и социальном пространстве; либо обязательно входит в какое-либо другое целое, в общность более широкого плана.

Основным итоговым результатом предшествующего развития общества, как в плане его всеобщей истории, так и с точки зрения завершения XX столетия, является становление глобального человечества как целостной системы материально-технического, социально-политического и духовно-культурного взаимодействия. Динамика доглобального мира определялась наличием свободных общественных связей и свободного географического и социального пространства, географической и социальной разрозненности. За последние триста лет в Европе появились Россия и Германия, в Америке образовались США, в Азии высоко взлетела Япония, обрели самостоятельность гиганты Китай и Индия. Вместе с тем, в XX в. с карты исчезли османская и австро-венгерская империи, развалились колониальные системы Англии и Франции, распался Советский Союз. В глобальном мире пространства заполняются и становятся однородными, связи и отношения обретают постоянство.

Понятие глобализации – это социальное понятие, означающее расширение сферы какого-либо явления до масштабов всеобщности человеческой жизни. До недавнего времени проблема ограничивалась глобализацией воздействия человека на окружающую природную среду, имеющего своим следствием ее истощение и загрязнение в ходе материального производства или иного воздействия, например, в военных целях. Теперь речь идет о глобализации техники, экономики, политики, социальной и духовной сферы, т.е. о глобализации общественной жизни вообще, но, прежде всего, экономики. По всем показателям своего бытия общество превращается в целостную систему, элементы которой оказываются связанными друг с другом.

Понятие глобальности означает достижение обществом некоторого предельного состояния, возможного при существующем способе жизнедеятельности. Во-первых, это исчерпание материального производства, обнаружение его ресурсных и технологических пределов при отсутствии видимого альтернативного пути материально-технического развития. Во-вторых, в ходе социального взаимодействия, борьбы за жизненное пространство общностям уже некуда расширяться или отступать без столкновения с другими общностями, – человечество сомкнулось в ограниченном пространстве. В-третьих, возникновение новой социальной реальности сопровождается качественными сдвигами в общественном сознании: переходом к новой теоретической модели общества (смена парадигмы), а также к новой системе норм и ценностей, в которой базовым объективным показателем уровня общественного развития является способность к выживанию в изменяющемся мире.

Глобализация общественной жизни представляет собой процесс становления единой общемировой системы социального взаимодействия, но не ведет к формированию единой социальной общности людей, не означает возникновения общественной системы, требующей единого управления. Человечество не становится одной общностью землян, но жизнь каждой отдельной общности начинает зависеть от его состояния как общей системы социального взаимодействия. В силу действия техносциальной формулы общество всегда остается социально дифференцированным, пронизываемым всеобщим социальным отношением “цель – средство”. Лидирующие общности воплощают в себе цель общественного развития (прогресса), остальным уготована функция средства, производственного материала, обеспечивающего существование лидеров.

Субъектами целесообразной деятельности являются индивиды и общности, осуществляющие социальное взаимодействие с другими индивидами и общностями. Конечная, непреходящая цель их деятельности состоит в самосохранении, выживании. Общество в целом (человечество) не имеет какого-либо социального взаимодействия и не является субъектом целесообразной деятельности. Однако объективно в существовании общества можно обозначить конечную, но недостижимую цель, состоящую в стремлении преодолеть дей-

ствие техносциальной формулы, ибо другого способа выжить у него нет. Индивиды и общности как субъекты социального действия выживают, прежде всего, в борьбе друг с другом.

Предметом оживленных дискуссий на всех уровнях (в правительственных и деловых кругах, научном сообществе и средствах массовой информации, на партийных форумах и бытовом общении) является деятельность транснациональных корпораций, международных политических надправительственных структур, свободное движение товаров и услуг, технологий и информации, капитала и рабочей силы. Одни видят во всем этом прогресс, другие выражают сомнения и страх, третьи консолидируются в антиглобалистские организации и устраивают демонстрации протеста, перерастающие в побоища. В условиях глобализации существования общества понятие национальной безопасности перешло из разряда периодически употребительных в группу обязательных понятий, с помощью которых оценивается состояние какой-либо общности (нации, страны, этноса и т.п.) с точки зрения возможностей ее выживания. При этом решающее значение имеют факторы окружающей социальной среды, т.е. взаимодействие с другими общностями, а не с природой.

Социальное отношение “цель – средство”, будучи исторически непреходящим, реализуется в разных формах экономических и политических отношений, регулируется разными способами. В диком обществе – это просто грабительские набеги на соседей, в древних цивилизациях наряду с грабежом устанавливается порабощение, средневековые феодальные владения – это преимущественно территория сбора податей (тот же грабеж, только упорядоченный). Потом был период колониальных империй, сменившихся после их развала периодом неоколониальной, сугубо экономической зависимости.

Общественный характер производства выражается не только в непосредственно насильственном отчуждении труда, но и в обмене результатами труда, т.е. в его опосредованном отчуждении. Хозяйство является замкнутым только в масштабах всего человечества – островного, материкового, глобального. Его рост оказывается возможным только при расширении сферы отчуждения труда. В этом плане глобализация экономики означает исчерпание сферы расширения. Возникает принципиально новая модель общественного развития, но одновременно это абстрактная модель, ибо в ходе материально-технического развития меняются технологии, само развитие неравномерно, отстающие и передовые общности могут меняться местами. Получается, что сфера непосредственного и опосредованного отчуждения труда расширяется за счет изменения предметного содержания производства.

В процессе глобализации в равной мере имеют место и выступают в качестве средства расширения системы социального взаимодействия сотрудничество и соперничество, единство и борьба. Вопрос в том кто, с кем и как сотрудничает и борется? Борьба за выживание опосредована множеством связей и отношений, т.е. “люди – цели” и “люди – средства” не связаны друг с другом непосредственно, определить персонально, кто за чей счет живет, невозможно, и все различия в положении людей предстают как результат большего или меньшего умения и везения. Здесь каждый находится в противостоянии всем, поэтому обвинять преуспевающего дельца некому и не за что. Межобщностная борьба менее опосредована, столкновение жизненных интересов в ней обнаруживается более наглядно. Однако глобализация опосредует и это, становится трудней определить, какие общности за чей счет живут. В настоящее время передовые страны более солидарны друг с другом в своих отношениях с отстающими странами. Напротив, отстающие страны менее солидарны друг с другом в этом противостоянии. У передовых стран большая заинтересованность и больше возможностей для координации своих действий.

Основу, главное содержание глобализации как интеграции, формирования единой системы общества, составляет борьба, присоединение, насаждение, распространение тех или иных элементов, установление господства друг над другом, а не их взаимовыгодное объединение. Объединение одних, как правило, направлено против других. Содержание техносциальной формулы общества не меняется, поэтому, в каких бы формах ни шел процесс глобализации, ее движущей силой остается борьба за выживание, понимаемая не как уничтожение конкурента или вытеснение его из жизненного пространства, а как превращение одних в

средство существования других. Следовательно, и сотрудничество, и соперничество являются средством борьбы за выживание – такова объективная диалектика социальной жизни.

В глобальном мире отношение лидерства и отсталости общностей одновременно предполагает отношение господства и подчинения. Насилие, связанное с ним, страшно своей неотвратимостью. В отличие от природы, где жертва может спрятаться, убежать от преследования, в глобальном мире некуда убежать и негде прятаться, в нем можно только бороться и либо побеждать, либо терпеть поражение. Глобализация надвигается на недостаточно устоявшиеся общности и недостаточно уверенных в себе индивидов, она представляется им источником опасности, грозящей раздавить. По мере увеличения своей массы общество приобретает все более тотальный характер. Деятельность спецслужб, организованная преступность и экстремистский терроризм полностью пронизывают и контролируют общественный организм, делая поднадзорной и уязвимой жизнь каждого человека, которому негде скрыться от этой тайной и явной всепроникающей публичности. Глобальное общество является тоталитарным по своей изначальной сути.

В тенденции социальное отношение “цель – средство” приобретает глобальный характер и образует сложную систему межобщностной борьбы за выживание, предполагающую множество уровней и подуровней разделения общностей на цель и средство. На смену стихийной хаотичности разделения общностей на цель и средство в доглобальном мире приходит системное общемировое взаимодействие глобального мира, в котором отношение “цель – средство” все более опосредуется и людям становится все труднее самоидентифицироваться в окружающем мире.

Современная система отношений господства и подчинения становится предельно обобществленной, опосредованной отношениями так называемого открытого, демократического общества, в котором формируется система постэкономического принуждения, когда насилие осуществляется даже не через собственность на средства производства, а через технологию, информацию. По сути, становится не так важно – кому принадлежат ресурсы природы, более важно то, кто умеет их использовать. Отсюда и политические (с экономической подоплекой) лозунги – демократия, открытость, права человека, плюрализм и пр. Рыночные отношения становятся главным способом превращения одних общностей в средство для других общностей.

Таким образом, современное общество с его индустриализмом, рыночной открытостью, экономическим колониализмом обнаруживает черты постсовременного общества – глобальных коммуникаций и информационно-технологического колониализма. Для установления господства в этом обществе не надо завоевывать территории, не надо вывозить сырьевые ресурсы, достаточно иметь монополию на информацию. Главной опасностью для общности становится ее информационно-технологическая отсталость.

Информационно-технологический колониализм начинается с того, что общность (страна) не может самостоятельно использовать доставшиеся ей в силу геоисторических обстоятельств природные богатства в соответствии с возможностями и потребностями мирового уровня материально-технического развития. Казалось бы, в мире должна установиться симметричная взаимозависимость: с одной стороны – владелец сырьевых ресурсов, а с другой – собственник информации и технологии. Но природа богата или бедна не сама по себе как таковая, элементы природы становятся природным богатством в результате человеческой деятельности, в настоящее время – научно-технической. Складывается, на первый взгляд, парадоксальная ситуация, когда, например, некие кочевые племена, не бедные и не богатые, а просто дикие, вдруг становятся обладателями несметных сокровищ только лишь потому, что кто-то где-то изобрел двигатель внутреннего сгорания, открыл способ перегонки нефти, создал технику для ее добычи на суше и на море и нашел эту самую нефть под принадлежащими этим племенам верблюжьими пастбищами. Спрашивается, кто же, в таком случае, настоящий хозяин богатства? На этот сугубо абстрактный вопрос история дала сугубо конкретный ответ – тот, кто умеет им пользоваться. А тот, на чьей территории оно находится, уже не может ни просто оставить его без внимания и продолжать жить по-старому, ни ис-

пользовать это богатство без посторонней помощи в качестве рычага воздействия на окружающий мир и шантажировать его. Из колоний давно не вывозят рабов, не организуют рабский труд на месте с помощью белых надсмотрщиков с кнутами, колонии перестали быть и так называемыми “сырьевыми придатками” бывших метрополий.

Отношение разделения труда, будучи отношением обмена результатами деятельности, равноценно по своему предметному содержанию в том смысле, что субъекты обмена равно заинтересованы в нем, будь то очевидный классический пример сапожника и портного или неочевидный пример хозяина и наемного работника. Однако оно не всегда эквивалентно, поскольку обмениваемые предметы и услуги не всегда равны по затраченной на их производство массе труда, ресурсов жизни. Эта масса определяется, в конечном счете, уровнем используемой техники и технологии в той зависимости, что по мере совершенствования последних производство удешевляется, т.е. в обмене результатами деятельности выигрывает тот, кто ушел вперед по линии научно-технического прогресса. Следовательно, обмен между общностями продуктами производства может быть взаимовыгодным в потребительском плане, но никогда не будет равноценным в стоимостном отношении. Классическим примером такого обмена является обмен мехов на стеклянные бусы. Субъективно он выгоден как цивилизованному купцу, так и первобытному охотнику. Но объективно – это неравноценный обмен, поскольку при его систематическом характере ресурс дикого добытчика исчерпывается быстрее, чем ресурс цивилизованного производителя. В принципе то же самое относится и к обмену нефти и газа, например, на компьютеры. Общность с сырьевым характером производства всегда находится под угрозой исчерпания ресурсов и лишения источника существования. Неэквивалентный обмен существует даже на индивидуально-бытовом уровне, когда, например, жители страны, где более высокая зарплата, отовариваются в другой стране, где более низкая зарплата, т.е. более низкая покупательная способность населения, но и более низкие цены. В частности, так было в Берлине при его разделении на Западный и Восточный условной линией между сторонами улицы или станциями метро.

Достижение глобальности означает, что в систему разделения труда втянут весь мир, и областей, параллельных мировой системе, сосуществующих с ней, больше нет. Последний этап такого параллельного существования был представлен противоположными системами социализма и капитализма. Соответственно, перед Россией и другими республиками бывшего Советского Союза стоит проблема вхождения в мировую систему: в каком качестве и в каком объеме (границах)? Ясно, что вхождение в СССР и вхождение в мировую систему обуславливают разные требования и возможности сосуществования в одном целом. Видимо, в таком ключе следует рассматривать перспективы интеграции в Европу некоторых бывших советских республик. Ясно, что у прибалтийских республик здесь шансов было больше по сравнению с Украиной, хотя по ресурсам она гораздо богаче, и вопрос об интегрировании Украины в Европу будет определяться, скорее, военно-политическими, а не экономическими факторами. В данном случае опять видно верховенство политики над экономикой.

Как известно, более производительные технологии по сравнению с менее производительными заключают в себе больше овеществленного, прошлого труда и меньше живого труда. Одновременно более производительные технологии требуют более высокой квалификации работников. Соответственно, в ходе расширения сферы материально-технического развития по мере исчерпания старой ресурсной базы возрастает стоимость сырья и энергоносителей, а также удорожается воспроизводство рабочей силы.

В результате образуется стоимостный перепад сфер производства общностей с разными уровнями материально-технического развития. С одной стороны, в технологически лидирующих общностях с большой массой накопленного общественного богатства устанавливаются высокие цены на средства поддержания жизни и высокие доходы, в том числе и заработная плата наемных работников. С другой стороны, в отстающих общностях цены и доходы, включая зарплату, остаются на относительно низком уровне. В ходе нарастания темпов материально-технического развития разрыв между передовыми и отстающими общностями увеличивается, при этом отношение “цель-средство” все более опосредуется, а внеэкономи-

ческие формы насилия, принуждения, свойственные периоду примитивного, и потому в целом примерно одинакового, уровня техники (вплоть до средневековья), сменяются экономическими (Новое время, становление капитализма) и перерастают в условиях глобализации в постэкономические. В межиндивидуальных отношениях внутри общности это выражается, в частности, в резком увеличении зависимости места человека в обществе от уровня его образования, квалификации, творческих способностей, тогда как раньше здесь главными условиями были принадлежность к сословию и/или владение собственностью. В межобщностных отношениях на смену грабительским походам и колониальным захватам приходит политика установления открытых дверей, формируется открытое в глобальных масштабах общество, в котором господствующее положение занимают передовые в научно-техническом отношении общности. Таким образом, борьба за выживание на всех уровнях все больше перемещается в область научно-технического соревнования, что, впрочем, не отменяет ни собственности на средства производства, ни прямого насильственного воздействия, в том числе военного, которое приобретает полицейский характер и переходит на высокие технологии.

Научно-технический прогресс обуславливает расширение и углубление использования природы в качестве источника ресурсов жизни и по сути сам является их источником, современное научно-техническое освоение мира эквивалентно его географическому освоению в прошлом. В этом положении состоит одно из главных противоречий глобального мира, заключающееся в том, что у природных богатств, как правило, оказываются два хозяина – собственник территории, не способный в силу технологической отсталости воспользоваться ими, и собственник технологий, не имеющий свободного доступа к источнику сырья. Передовые общности, владельцы информации и технологии, используют демократизацию в качестве универсальной отмычки, обеспечивающей всеобщий режим открытых дверей и, соответственно, необходимый доступ к природным кладовым. Отстающие общности, владельцы этих кладовых, требуют, напротив, доступа к передовым технологиям. Данное противоречие является антагонистическим и разрешается преимущественно с позиции силы, а также в ходе самого материально-технического развития, в процессе смены поколений техники и производств.

Глобализация формирует открытое общество, которое характеризует общность с точки зрения способа ее взаимодействия с внешним миром и означает свободу перемещения людей, товаров, сырья, финансов, идей и вообще любых материальных и духовных ценностей. Предполагается демократия в области межобщностных отношений – правовое равенство граждан разных общностей. Ясно, что для этого необходима демократия внутри самих общностей – экономические и политические свободные отношения. Следовательно, открытое общество есть сугубо гражданское, правовое общество, в котором можно все, что не запрещено. Иначе говоря, открытое общество предполагает тотальность рыночных отношений, это свободный мировой рынок, регулируемый лишь в плане поддержания общественного порядка.

Разумеется, в реальности модель открытого общества – миф, в действительности такого общества-рынка не существует в силу неравномерности, разноуровневости развития общностей уже по причине исходной дифференцированности естественно-природных условий жизни, которые нивелируются всем ходом научно-технического прогресса, но относительно, не полностью, и первоначальная дифференцированность постоянно воспроизводится в процессе материально-технического развития. Каждая из взаимодействующих общностей заинтересована во всеобщей открытости в тех областях жизни, в которых она обладает преимуществом; и наоборот, – стремится закрыться в сферах, где она оказывается уязвимой при равенстве условий взаимодействия. Иначе говоря, каждая общность желает быть свободной в выборе своего присутствия у других и присутствия других у себя; отсюда – государственные границы, таможенные барьеры, налоги, пошлины, квоты и т.п. И чем более высок уровень развития общности, чем более сильны ее позиции в отношениях, прежде всего экономических, с другими общностями, тем в более широкой открытости этих отношений она заинтересована. Для общностей – лидеров принцип открытых дверей есть не что иное, как

орудие подчинения менее развитых общностей без применения военной силы. В принципе, и война как агрессия – это всего лишь силовой взлом закрытой общности, навязывание ей своих правил игры путем открытого вооруженного воздействия. У более развитых общностей более развита и система правовых и нравственных нормативов (социально-культурный иммунитет) – им свобода не страшна, а то, что представляет опасность, надежно перекрывается. Незрелое в гражданском отношении общество не имеет ни надежного нравственного иммунитета, ни действенной системы правовых нормативов. А потому даже свобода духовной жизни (идеологический и прочий плюрализм) оборачивается средством подчинения слабых сильными.

Лидирующей, благополучной общности присущи передовая техника и технология, их обеспечивают передовая наука и образование, высокая эффективность деятельности высококвалифицированных людей обеспечивается высоким уровнем жизни (пища, жилье, транспорт, медицина, отдых) и надежной защищенностью прав и свобод во внутреннем и внешнем существовании общности. Все это в своей совокупности означает способность общности эффективно (выгодно для себя) взаимодействовать с другими общностями, осуществлять обусловленный неравенством уровней технологического развития обмен неравными стоимостями.

В ходе цивилизационного развития подготовительный предпроизводственный и завершающий послепроизводственный периоды человеческой жизни необходимо увеличиваются. Но хорошее образование и достаточное пенсионное обеспечение – привилегия богатых стран. Уравнительная система, обеспечившая советские достижения в этих областях, исторически быстро исчерпала свой ресурс. Пропасть между передовыми и отсталыми странами углубляется, в том числе, и за счет разницы поколенческой структуры населения. С одной стороны, в богатых странах увеличивается продолжительность проживаемой человеческой жизни, увеличивается масса социально зрелого населения, вырабатывающего и накапливающего основной объем всех видов необходимой информации. С другой стороны, в бедных странах основная масса населения не может дожить до зрелого возраста, поколения быстро сменяются без необходимой преемственности социального опыта, а неизбежное старение населения богатых стран при увеличении продолжительности жизни компенсируется иммиграцией наиболее способной и образованной молодежи из бедных стран. В итоге единый, как и природа, интеллектуальный ресурс распределяется неравномерно и все более концентрируется отдельными общностями. Таким образом, независимо от уровня материально-технического развития народонаселение остается главным ресурсом существования общества, и до сих пор этот ресурс оказывается в распоряжении технологически более развитых стран как нечто готовое, как данное самой природой.

Глобализация общественной жизни ведет к переструктурированию общностей таким образом, что лидирующие общности принимают наиболее продвинутых представителей менее развитых общностей и становятся для них своими. Старая общность (родина) остается своей по культурным, религиозным, языковым и другим признакам. Новая общность становится своей на основе более высокого, привилегированного положения по отношению к предыдущему (подобно перемещению из деревни в город как из одной общности в другую). Это позволяет рассматривать глобализацию как всеобщую мировую урбанизацию.

Глобализация техники, экономики и политики вполне поддается рациональному объяснению и описанию, она по-разному оценивается, но принимается как объективный процесс, данность объективной реальности. Духовная жизнь тоже глобализируется, национальные различия размываются, мифы развеиваются, по мере осознания техносциальной формулы общества духовная сфера рационализируется. Но вместе с новым типом рациональности возникают и новые типы мифологии, будучи отражением новых типов исторической общности. Однако, если в технике, экономике, политике “чужие” достижения заимствуются и принимаются достаточно спокойно, то в области духовной культуры “чужое” чаще воспринимается как враждебное, – духовная сфера оказывается наиболее чувствительной к разрушающему воздействию извне, реакция отторжения в ней является следствием действия

инстинкта самосохранения общности.

Таким образом, модель открытого общества – это и теоретическая абстракция, и художественный образ, и идеологический лозунг, средство борьбы за господство, и таким средством становится даже борьба за так называемые права человека, когда, например, под предлогом недопущения демпингового характера цен с рынка устраняются конкуренты. В тенденции, хотя и не в конечном итоге, происходит формирование двух полярных элементов – господствующего и подчиненного. Первый организован и социально сплочен, второй дезорганизован и разобщен.

С одной стороны, идет процесс нарастания социальной энтропии: свободное передвижение товаров, услуг, финансов, информации, рабочей силы и т.д. Но, с другой стороны, все это имеет своим результатом концентрацию самого передового, самого лучшего в одних местах и деградацию, опустошение других мест. Либерализация жизни на уровне индивидов обеспечивает концентрацию наиболее дееспособного населения в лидирующих общностях, составляющих центр глобального мира. Следовательно, глобальный мир как система взаимодействующих и взаимозависимых общностей глубоко дифференцирован и на этом структурном уровне не может быть демократическим. Современным терминологическим эквивалентом глобального *открытого* общества является понятие однополюсного мира, необходимо перерастающего в глобальное *закрытое* общество, – такова объективная диалектика социального развития, диктуемая его техносоциальной формулой.

Однако данная однополюсная конструкция глобального мира, подразумевающая внутреннюю дифференциацию в интегрированной системе общностей – лидеров, наличие абсолютного мирового лидера в лице самой сильной державы, является идеальной моделью. Реальное общественное развитие неравномерно, неуправляемо и непредсказуемо. Решающим фактором этой объективной неопределенности является неопределенность материально-технического развития, неоднородность и неопределенность самих природных оснований общества (географических и демографических), а следовательно, магистральных направлений научно-технического прогресса, определяемых революционизирующими жизнь общества научными открытиями и техническими изобретениями. В реальном мире всегда будет существовать весь диапазон уровней развитости и степеней самостоятельности общностей, и список претендентов на мировое лидерство и кандидатов в аутсайдеры никогда не будет исчерпан.

Глобализация общественной жизни означает ее всеобщую стандартизацию, унификацию, включенность индивидов и общностей в единую систему взаимосвязанных элементов, которая формируется путем подчинения одних элементов другим, а в конечном счете, определяется единым системообразующим центром. Глобальный мир, в идеале предельно обобществленный и специализированный, в соответствии с техносоциальной формулой общества необходимо разделен по схеме “центр – периферия”. Вопрос в том, каково содержание и формы этого центр-периферийного разделения? В цивилизациях всегда был центр, но сосуществующих цивилизаций было достаточно много. Означает ли становление глобального мира как складывание единой цивилизации? Это сугубо абстрактный вопрос, не имеющий определенного ответа. Глобальный однополюсный мир представляет собой скорее идеальную модель, чем действительно существующий объект.

Эффективность функционирования любой отдельно взятой общности, рассматриваемой в качестве производящей системы, необходимо снижается в условиях ее изолированного существования, поскольку в этом случае, с одной стороны, неуклонно исчерпывается ресурсная база, а ее расширение обходится все дороже; с другой стороны, исчерпываются возможности минимизации затрат на содержание участников общественного производственного процесса за счет уменьшения их занятости и снижения уровня жизни, включая условия труда. Однако в ходе межобщностного взаимодействия, в основе которого лежит борьба за выживание, более организованные общности наращивают ресурсный потенциал и повышают эффективность его использования за счет эксплуатации других, менее организованных общностей. Глобализация экономики ведет к исчерпанию этого резерва повышения эффективно-

сти в той мере, в какой исчезает не занятое, свободное от эксплуатации социальное пространство. В глобальном мире нет ни свободного географического пространства, являющегося дополнительным источником природных ресурсов, ни свободного социального пространства, являющегося дополнительным источником трудовых ресурсов. Глобальность мира означает его полную занятость и поделенность, человечество еще не переживало такого состояния и потому никто не может достаточно обоснованно (без лозунгов и пророчеств) сказать о том, что будет дальше.

В современном мире географически больше нечего открывать и некого и нечего завоевывать в старом смысле этого слова, мир к XXI веку полностью освоен и поделен. Но борьба за выживание остается. Однако стихийная неупорядоченность, спонтанность и хаотичность войны как средства урегулирования международных отношений в эпоху глобализации сменяется упорядоченностью и регулируемостью наказания или уничтожения противника, с одной стороны – четко спланированными террористическими актами, а с другой – экономическими санкциями и точечными ракетно-бомбовыми ударами по выборочным целям. Война, в соответствии с техносоциальной формулой, принципиально не может быть устранена из жизни общества. В глобальном мире с его всеобщей взаимозависимостью элементов любой конфликт вызывает цепную реакцию противостояния, эскалацию насилия и раскола. Глобализация означает переход ко всеобщей непрерывной войне, которая по сути и является мировой войной и которая по причине неравномерности общественного развития всегда таит опасность перерастания в глобальный военный конфликт с очередным порядковым номером в мировой истории.

Общности развиваются неравномерно, в силу чего равновесие сил и интересов постоянно нарушается, система общества разбалансируется и, как следствие, становится неизбежным перераспределение ресурсов жизни. Действие техносоциальной формулы делает невозможной его плановость и вообще общеприемлемую регулируемость; перераспределение ресурсов, как правило, осуществляется насильственным путем, хотя и в разных исторических формах, но, в конечном счете, путем военного воздействия на конкурентов. Война до сих пор остается решающим аргументом в извечном споре претендентов на места в жизненном пространстве.

Вместе с тем, поскольку борьба за выживание неустранима в принципе, а средства борьбы становятся все более разрушительными и способными при выходе их из-под контроля привести к всеобщему самоуничтожению людей, постольку вольно или невольно осуществляется поиск путей, ведущих к взаимопониманию. В связи с этим, терроризм можно интерпретировать как выражение исчерпания ресурса взаимопонимания, герменевтический тупик как отражение объективно неразрешимого противоречия в отношении “цель – средство”. Одни общности предлагают систему отношений, в которой другие общности объективно будут служить их средством, а эти другие общности категорически отвергают такую систему, но обычным производственно-технологическим (тем более военным) путем добиться своего не могут и обращаются к террору как единственно возможному для них средству борьбы.

Как уже говорилось, изолированное существование общности позволяет сохранять независимость, но обрекает на отсталость. Однако в условиях глобализации от столкновения с внешним миром не уклониться, “в лес не уйти, спрятаться негде”, а отсталость обуславливает неизбежную подчиненность. Следовательно, выход только в активном социальном поведении, в поиске ключевых позиций в жизненном пространстве. Вот здесь и выступает на первый план фактор воли, организующего начала.

Провозглашение лозунга цивилизованных отношений, подразумевающего отказ от насилия, объективно выгоден лидирующим общностям, получающим дополнительные ресурсы за счет неэквивалентного обмена. У отстающих общностей нет иного выхода, кроме как протестовать против такой дискриминирующей системы, и если бы не угроза возмездия в той или иной форме, они бы воевали открыто, а не прибегали к террору, который, в конечном счете, оказывается в руках не бедных и обездоленных, а в распоряжении богатых пре-

тендентов на мировое лидерство. Здесь ясно одно – насильственную борьбу за выживание не предотвратить.

Абсолютная либерализация общественной жизни необходимо оборачивается свободой действий одних по отношению к другим. Она выражается в установлении всеобщего жесткого порядка отношений господства и подчинения. Поэтому не случайно, как это ни кажется парадоксальным, активнейшими участниками бурных выступлений против глобализации являются анархисты.

Глобальное общество можно рассматривать как практическую реализацию модели информационного общества. Господствует тот, кто владеет информацией – научно-технической, производственно-экономической, социально-политической, а владеет информацией тот, кто способен ее произвести, купить или просто снять с мировой информационной сети, будучи в состоянии обозреть и процедить все информационные потоки в мире, вплоть до бытовых телефонных разговоров. В этом тотальном просматривании и прослушивании, всеобщем контроле и регулировании человеческой жизни понятия прав и свобод переводятся в иную плоскость и утрачивают реальное содержание. Таким образом, либеральное общество в глобальном мире переходит в свою противоположность.

Модель глобального мира с его максимально возможной обобщественностью и плановой управляемостью в определенном смысле тождественна модели всемирного коммунизма “с противоположным знаком”, реализуемого не по схеме абсолютного прогресса с его неограниченностью роста производства и потребления, а в соответствии с техносциальной формулой с ее фундаментальным социальным отношением “цель – средство”. Глобальный мир предполагает установление единого мирового хозяйства, единой системы производства с разделением его результатов не по потребностям и не по труду, но даже, возможно, не по капиталу. Рациональному объяснению не поддаются ни модель коммунистического изобилия, ни модель “цель – средство” в едином человечестве. В том и другом случае нет реального стимула общественной деятельности. Остается только борьба за выживание, меняющая формы своей цивилизованности и духовные оболочки мифологизации. В принципе здесь уместно ставить вопрос о переходе к другому типу цивилизации.

В описании влияния глобализации на социальную структуру общества имеет место противопоставление форм структурного деления мира – общностной и корпоративной. По такой логике получается, что на смену общностному делению общества идет корпоративное. Иначе говоря, вместо национальных государств как субъектов социального взаимодействия в мире будут транснациональные корпорации. Кстати, до общностного деления при капитализме было сословное деление при феодализме, когда границы владений в Европе были фамильные, а армии – наемные. Сейчас нет оснований для такого противопоставления. Во-первых, происходит объединение общностей, растягивающееся на многие десятилетия. Если Европе суждено стать единой, то на это уйдет почти столетие, если вести отсчет от начала пятидесятых годов. Во-вторых, это объединение равных, в отличие от присоединения раньше слабых сильными, то есть это объединение по схеме укрупняющей взаимодополняемости экономического развития. Новые общности складываются на основе отраслевого объединения (кооперации и специализации), а политика, идеология, культура здесь вторичны. Тем не менее, хотя содержание общностей, как субъектов социального взаимодействия, меняется, но их географическая и демографическая выраженность, ограниченность в той или иной форме остается, ибо это главное в содержании общностей. Для прогнозов в данной области не хватит жизни одного поколения, ибо процессы эти бурные, но, вместе с тем, длительные.

Таким образом, содержательным наполнением глобальности оказывается всеобщий кризис социума как такового. Это второй фундаментальный итог прошедшей истории. Перечень проявлений кризиса стандартный: в аспекте материально-предметной деятельности – это голод и болезни, истощение и загрязнение природной среды; с точки зрения социальной жизни – насилие в виде войн, преступности и эксплуатации; в плане духовности – ложь и невежество. Указанные и другие явления свойственны человечеству на протяжении всей его истории, меняются только их формы. Соответственно, весь так называемый общественный

прогресс – это вечный выход из непрекращающегося кризиса, вечное выздоровление после нескончаемых приступов неизлечимой болезни. Строго говоря, цивилизация никогда не была здорова, по крайней мере, в ощущениях современников, а образ процветающей цивилизации – это либо легенда, либо мечта.

Как известно, общественное развитие циклично по самым разным показателям. В том числе и по характеру своей системности, чередующимся периодам устойчивой и неустойчивой социальной структуры. Генеральная тенденция в этом плане состоит в движении к становлению единой системы мирового социума, глобального взаимодействия. История демонстрирует ряд сложившихся устойчивых мировых структур с последовательным увеличением их масштабов. Каждая из этих структур проходила этапы становления, пикового развития и кризиса, завершаемого распадом и разрешаемого в войнах и революциях, с которыми часто связываются определенные исторические периоды: до- или после- (военные и революционные).

Широко употребляемое в настоящее время понятие устойчивого развития имеет преимущественно лозунговый характер и объективно предполагает сугубо неравновесное состояние взаимодействующих общественных систем, одни из которых находятся в относительно устойчивом, равновесном, организованном состоянии за счет дезорганизации других. В целом это равновесие перетекания ресурсов, когда одна система накапливает энергию и повышает степень организации, а другая снижает свой потенциал и стремится к равновесию с внешней средой по модели тепловой смерти. Вопрос о достижении абсолютного предела в возможности поддержания устойчивого равновесного состояния общества в научно-техническом плане остается открытым. Любые определенные ответы на него представляют собой утопические модели в рамках мифологического сознания.

Достижение человечеством уровня глобальности делает его дальнейшее развитие неопределимым с помощью действующего социально-познавательного аппарата. С одной стороны, становится ясным, что вечные проблемы, – например, проблемы голода и социальных конфликтов, – с решением которых до сих пор связывался общественный прогресс, объективно неразрешимы. С другой стороны, оказались исчерпанными возможности дальнейшего расширения человечества, за счет которого данные проблемы на протяжении всей истории переходили в другую фазу, приобретали другие формы, что и служило основанием для веры в возможность их полного устранения в некотором отдаленном будущем. Соответственно, слышится все больше заявлений о некоем тупике, откуда нет выхода, а если и раздаются отдельные оптимистические высказывания, то в них совершенно не обнаруживается каких-либо свидетельств понимания направленности общественного прогресса на стадии достигнутой человечеством глобальности – развитие общества на этой стадии в настоящее время не поддается адекватному моделированию. Наоборот, именно с движением мира к глобальности связывалась до сих пор модель направленности исторического процесса.

Современный мир бурлит, его сотрясают национальные и религиозные конфликты, социальные столкновения и терроризм. В соответствии с техносоциальной формулой общества это никогда не кончится, в чем и заключается драматизм человеческого существования вообще. Меняются только исторические формы социальной борьбы. Современные тенденции в ее развитии связаны с тем, что человечество перестало быть дискретным образованием, и столкновения перестали быть эпизодическими. Борьба пронизывает всю ткань человеческого общества.

Мы являемся свидетелями складывания качественно нового мира, организуемого либо по схеме изолированной общности, вписанной в устойчивую систему естественно-природного равновесия и характеризующейся жестко фиксированной системой глубокой социальной дифференциации, либо по схеме глобального противостояния мировых систем, непреодолимо антагонистических в силу самого факта своего существования в ограниченном жизненном пространстве. Реализация первой схемы означала бы установление длительной эпохи социальной эволюции, подобной эпохе Средневековья; последствия реализации второй схемы имеют сугубо апокалиптический характер. Но вероятнее всего в данном случае

мы имеем дело не с альтернативными направлениями общественного развития, а с закономерными историческими ступенями, последовательному прохождению которых может мешать лишь вмешательство так называемой исторической случайности, абсолютно непредсказуемой по самой своей природе. Однако, так или иначе, устойчивым может быть только глобальное развитие.

В условиях глобализации мировой экономики речь может идти уже не столько о разных по уровню развития странах, сколько о формировании глобально дифференцированного мира с единым центром и единой всеобщей периферией. Глобализация растворяет старые границы межобщинной дифференциации. Господствующими общностями нового типа, хозяевами нового мира становятся владельцы техники и информации, а за счет этого и соответствующих типу материально-технического развития природных ресурсов.

Модель глобально единого человечества, которому больше некуда расширяться, и остается лишь перегруппировываться и переструктурироваться, объективно базируется на экстраполяции современного типа материально-технического развития, породившего ряд фундаментальных проблем, от решения которых зависит возможность дальнейшего существования общества, но способы самих решений до сих пор неизвестны. Никто не знает, есть ли еще пространство для дальнейшего расширения сферы материального единства общества и природы или достигнут абсолютный предел? Собственно, этого никогда никто не знал, – например, Европа долго не расширялась, а только перегруппировывалась. Но, в отличие от прошлого, сейчас осознаны сами проблемы, что требует новых методологических подходов. В частности, требует осмысления то обстоятельство, что история знает лишь примеры вторичного расширения человечества, т.е. расширения не как освоения девственной природы, а как завоевания новых территорий, растекания по Земле второго слоя людей, когда вместе с новыми источниками природных ресурсов осваивались и новые источники трудовых ресурсов. Было ли когда-либо иначе, – история этого не знает. Но перспектива новых этапов послойного расширения общества вполне определена, существует вполне определенная перспектива новых этапов послойного расширения общества.

Сущностные характеристики глобального мира становятся понятными в свете техносциальной формулы общества. И наоборот, – лишь глобализация, как новая социальная практика, дала необходимый материал для осознания формулы и ведет к радикальному пересмотру системы социального знания.

Если в XIX веке еще господствует классическая рациональность с ее верой в разумность бытия и человека, модернизмом и прогрессизмом, то для XX века характерна неклассика с ее иррационализмом, релятивизмом, постмодернизмом, когда человеческая рациональность опрокинута, миром владеет подсознание, толкающее к насилию. XXI век начался под знаком техносциальной формулы и обещает переход к неорациональности, т.е. к рациональному пониманию человеческой жизни как борьбы за выживание.

Процесс глобализации заставляет пересмотреть традиционный смысл понятия постиндустриального общества, предполагающего сосредоточение основной массы населения на производстве информации и услуг при соответствующем сокращении занятости в сфере материального производства за счет научно-технического прогресса. Тем не менее, материальное производство остается главным фактором социального бытия, однако оно переходит с опытно-практической, эмпирической базы функционирования и развития на научно-теоретическую. Научно-технический прогресс становится главным средством ресурсного обеспечения людей, как в сфере взаимодействия с природой, так и в сфере отношений друг с другом. Оказалось, что положение о постиндустриальном обществе справедливо только по отношению к передовым общностям и не распространяется на отсталые общности, на долю которых выпадает именно материально-производственное функционирование в рамках глобального разделения труда.

В ходе глобализации образуется единое поле социального взаимодействия – экономического, политического, образовательного, культурного. Соответственно, необходимо формируется единое знаковое (в тенденции – единое языковое) пространство, в конечном счете, вырисовывается единая модель мира. Все это означает становление единого технологического и информационного общества, единой мировой цивилизации. Однако общество может быть единым техноло-

гически и информационно, но принципиально не может быть единым социально.

Следовательно, понятие информационного общества, понимаемого ранее как высшая стадия общества постиндустриального, оказалось *буквально* соответствующей характеристикой глобального мира. Глобальный мир по определению находится в едином информационном пространстве, поддерживается единым герменевтическим основанием. Человечество все больше характеризуется единством понимания материально-технической жизни и все больше превращается в единую цивилизацию, но принципиально не может достичь всеобщего социально-культурного взаимопонимания в силу действия техносоциальной формулы общества. Проблема понимания в области социального взаимодействия людей в условиях становления глобального общества обостряется. До этого было возможным как подчинение, навязывание понимания бытия, – системы ценностей, идеалов, веры и т.п., с одной стороны, так и уклонение от борьбы, уход в другое географическое пространство, с другой стороны. В XX в. еще были признаваемы социальные модели Шопенгауэра и Ницше, исключающие сосуществование различных волей и представлений мира как воля к жизни и власти. В глобальном обществе нет свободного пространства, где можно было бы укрыться от внешнего давления, однако, хотя социальная борьба усложняется и обостряется, неизбежно допущение признания права на иное, чужое существование, от которого никуда не уйдешь и которое не подавишь.

Глобализация общественной жизни, будучи объективным процессом, не подлежит какой-либо социальной оценке, не поддается ценностному измерению вообще. Ее можно и нужно понять, но бессмысленно приветствовать или проклинать. Одновременно она не содержит социальной двойственности и не может быть направлена в ту или иную сторону в аспекте справедливости или несправедливости, ей нельзя придать прогрессивный или реакционный характер. В основе глобализации, как объективного общественного процесса, в соответствии с техносоциальной формулой общества лежит борьба за выживание, являющаяся двигателем социального прогресса. Глобализация является следствием, результатом этой борьбы, а не наоборот. Поэтому альтернативные модели глобализации типа “мировой коммунизм” или “мировой капитализм” методологически столь же бесплодны, как и всякого рода футурологические пророчества. Мы не можем знать, как пойдет этот процесс, но мы должны знать его закон.

УДК[39:008]:001.8

ПЕРСПЕКТИВЫ СОХРАНЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ УКРАИНСКОГО ЭТНОСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Ковалева О.В., кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории, истории культуры и музыковедения, докторант, Национальная академия руководящих кадров культуры и искусств, ov.b.77@mail.ru,

В статье рассматривается влияние процессов глобализации и евроинтеграции на перспективы сохранения православной культуры украинского этноса. Анализируется социокультурная, политическая, религиозная ситуация в православных государствах, вошедших в Европейский Союз. Приводится характеристика проблем и вызовов в современной Украине.

Ключевые слова: православная культура, Украина, Европейский Союз, глобализация, евроинтеграция.

Приближение процесса подписания соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом вызвало обострение внутривнутриполитической, социокультурной ситуации в стране и за ее пределами. В контексте сохранения традиционной православной веры украинского этноса этот вопрос обсуждается на разных уровнях не менее остро, чем другие, предложенные временем, проблемы. Вполне логично у многих верующих сегодня возникает